вых. Кроме того, святительство выше царства, ибо, «святительство и царя мажетъ и вѣнчаетъ и утвержаетъ, а не царство святителехъ».[1] Падение царской власти в Византии еще не влечет за собой падения святительства; хотя и изгнаны судом божиим мирские цари, но духовно царствующий не отвергнут богом. Ту же мысль о неизменности святынь развивал Максим и в другом своем произведении, по поводу подобного же национально-церковного увлечения на этот раз одного из своих себеседников, который находил, что в нынешнее время имя Иерусалима должно принадлежать Москве, так как старый Иерусалим стал непотребен, в течение многих лет находясь во власти нечестивых сарацин. Данное произведение Максима так и озаглавлено: «Сказаніе о томъ, яко не оскверняются святая николи же, аще и многа лѣта обладаеми суть отъ поганыхъ».[2] Максим обращается к истории Иерусалима, вспоминает факты языческого властвования и доказывает, что и прежде, несмотря ни на что, святыни иерусалимские не падали, и благодать свыше, пророческий дар и чудеса не оскудевали. Власть сарацин над Иерусалимом оскверняет не его, а их самих, злочестиво и скверно в нем живущих. Вообще города благоверных и находящиеся в них святыни оскверняются только тогда, когда живущие в них, отступив от христовой веры и честной жизни, принимают богомерзкие обычаи и бесовское учение безбожных агарян; но доколе они держатся крепко благочестивой веры и за нее доблестно терпят всякие скорби и различные напасти от безбожных агарян или злочестивых еретиков, города их уподобляются темницам, в которые древле заключали мучеников, а сами они, страждущие подобно им, справедливо будут названы исповедниками и живыми мучениками. Защищая святость древнего Иерусалима и возражая против перенесения его имени на Москву, Максим считает необходимым снять с себя возможный упрек в зависти к «преславнѣйшему граду Москвѣ». Такую зависть от считает неистовством, безумием и говорит о своей постоянной любви к Москве и Московской державе: «азъ бо изъ начала и возлюбихъ и почтохъ славный градъ Москву, и всегда люблю, и въ чести множайшей имамъ, и молюся о немъ выну, яже лучшая и полезная ему и яже о пребытіи и утверженіи благочестивыя державы его въ безконечныя вѣкы».[3] Но, по убеждению Максима, почитать какого-нибудь человека, или город, или страну выше достоинства их служит для них более в укоризну, чем приносит славу и похвалу.

[1] Каз. изд., III, стр. 127. 1897.
[2] Ibid., стр. 127.
[3] Ibid., стр. 128.